

воспроизведения по архивным данным, мы имѣли возможность ощутить ея непосредственное дыханіе, ея бѣненіе и трагически — безысходныя противорѣчія. На собственномъ духовномъ опытѣ познали мы, что революціи происходятъ вовсе не такъ, какъ ихъ позднѣе описываютъ Ламартини, Тэнны и даже Одары.

Е. К. Кускова.

Русская историографія въ оцѣнкѣ совѣтскихъ историковъ. Русская историческая литература въ классовомъ освѣщеніи. Сборникъ статей съ предисловіемъ и подъ редакціей М. Н. Покровскаго. Томъ I-II. Труды Института красной профессуры.

Этотъ коллективный Сборникъ вышелъ изъ того семинарія, который М. Н. Покровскій ведетъ въ Московскомъ Институтѣ красной профессуры. Такое происхожденіе книги наложило рѣзкую печать и на ея содержаніе, и на ея изложеніе. Это — собраніе ученическихъ работъ. Всѣ авторы поютъ съ голоса учителя, рассказываютъ «своими словами» то, что натвердилъ имъ ихъ руководитель; отсюда — утомительное однообразіе всѣхъ этихъ статей. Въ сущности эти два тома суть не что иное, какъ амплификація тѣхъ нѣсколькихъ страничекъ, на которыхъ Покровскій изложилъ свое предисловіе. И если иногда среди пространнаго пережевыванія мыслей учителя тотъ или иной авторъ вдругъ скажетъ что нибудь такое, что не вяжется съ прочими утверждениями, то такая, — по любимому выраженію совѣтскихъ писателей, — «неувязка» объясняется просто тѣмъ, что и въ самой казенно-большевицкой исторической доктринѣ при всей ея тощей прямолинейности все же кое въ чемъ въ «установкѣ» оказывается «неувязка».

Ученическія упражненія сами по себѣ, конечно, не могутъ представлять особеннаго интереса. Но весьма любопытно знать, какія представленія о выдающихся явленіяхъ русской исторической литературы въбиваются въ головы новобранцевъ «красной профессуры». Вотъ почему я позволяю себѣ остановить вниманіе читателя на этомъ Сборникѣ.

Сборникъ производитъ впечатлѣнныя отчасти комическое, отчасти удручающее. Одна изъ отличительныхъ чертъ всѣхъ вообще большевиковъ — полное отсутствіе чувства комическаго. Ни самъ Покровскій, ни его послушная паства никакъ не могутъ догадаться, сколь комично получается зрѣлище, когда разные никому невѣдомые г. г. Рубачи, Лидяки, Петровы и Сидоровы или только что едва-едва заявившіе себя печатными работами, какъ г-жа Нечкина (паиболѣе серьезный авторъ въ числѣ сотрудниковъ Сборника) либо строго разносятъ за «недомысліе» и историческую неосвѣдомленность Чичерина, Соловьева, Ключенскаго, Милюкова, либо снисходительно жалѣютъ о томъ, что эти историки не были знакомы съ нашимъ пѣтухомъ, т. е. съ идеями товарища Покровскаго. Но это зрѣлище наводитъ въ тоже время и на тяжелыя мысли, ибо оно показываетъ, что цѣлое поколѣніе ушибленныхъ марксизмомъ молодыхъ русскихъ историковъ обречено на

исторический дальтонизмъ и на непрерывное топтаніе все на одномъ мѣстѣ.

Всѣ авторы Сборника ведутъ разборъ историческихъ концепцій, выдвинутыхъ въ русской исторической литературѣ, по очень упрощенному плану. Изложивъ общія идеи того или иного историка, они затѣмъ раскрываютъ свой непререкаемый Коранъ, т. е. «Русскую исторію» товарища Покровскаго и восклицаютъ: «смотри, читатель, всѣ прежніе историки мыслили совсѣмъ не такъ, какъ Покровскій!» И, конечно, въ этомъ несходствѣ съ Покровскимъ читатель долженъ усматривать безапелляційный приговоръ надъ всѣми корифеями русской исторической науки. А что какъ у иного читателя мелькаетъ мысль: «если всѣ крупныя историки думали не такъ, какъ Покровскій, то не означаетъ ли это, что у самого Покровскаго въ его историческихъ взглядахъ не все обстоитъ ладно?»

Для авторовъ Сборника такая мысль недопустима по слѣдующей причинѣ. Основная идея всего Сборника заключается въ томъ положеніи, что исторіографія всегда и всюду есть не что иное, какъ служанка классовой борьбы. Каждый историкъ безъ исключенія истолковываетъ историческія явленія не иначе, какъ подъ угломъ зрѣнія интересовъ, того класса, который онъ умышленно или безсознательно обслуживаетъ. И потому никакой научной объективности въ подходѣ къ объясненію историческихъ процессовъ у историковъ искать не слѣдуетъ. Нужно только вскрыть классовую подоплеку каждой данной исторической концепціи и тогда сразу выясняется, что каждый историкъ по своему тасуетъ и переиначиваетъ факты, не считаясь съ исторической дѣйствительностью. Всѣ историки до Покровскаго обслуживали интересы либо помѣщиковъ, либо купцовъ, либо фабрикантовъ. Покровскій первый далъ истолкованіе русской исторіи съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата, — слѣдовательно... да, вотъ именно — что же отсюда слѣдуетъ? Для авторовъ Сборника отсюда слѣдуетъ, что только устами Покровскаго глаголетъ историческая истина. На нашъ взглядъ такой выводъ съ логической стороны никуда не годится. Если мы допустимъ, что никакой исторической концепціи кромѣ классовыхъ быть не можетъ, и каждый историкъ сознательно или безсознательно подгибаетъ историческую дѣйствительность подъ интересы опредѣленнаго класса, то выводъ отсюда возможенъ только тотъ, что и у Покровскаго и его послѣдователей исторія пишется ради обслуживания интересовъ той классовой партіи, которой они служатъ, и, значитъ, и у нихъ нечего искать историческаго безпристрастія въ пониманіи и истолкованіи историческихъ данныхъ. И тѣмъ не менѣе обличая всѣхъ историковъ въ произвольной ретушевкѣ историческихъ фактовъ, авторы Сборника, съ благосклоннаго соизволенія своего руководителя, принимаютъ при этомъ взгляды товарища Покровскаго за критерій объективной исторической истины. Не ясно-ли, что логика тутъ хромаетъ на обѣ ноги?

Сборникъ открывается статьей г-жи Нечкиной объ Эверсѣ. Все значеніе Эверса въ русской исторіографіи состоитъ въ томъ, что его

труды послужили отправной точкой для зарождения такъ называемой «юридической школы» въ русской исторической наукѣ. А между тѣмъ г-жа Нечкина заявляетъ: «я не буду слѣдить за влияніемъ Эверса на юридическую школу». Спрашивается, зачѣмъ тогда вообще стоило включать въ Сборникъ статью объ Эверсѣ? Впрочемъ, Нечкина все же обронила одно глубокомысленное замѣчаніе относительно этого влияния. Указавъ на то, что Эверсъ выдвигалъ эволюцію **государственныхъ** формъ и что онъ принадлежалъ по социальному положенію къ богатому помѣщичьему кругу, нашъ авторъ замѣчаетъ: Соловьевъ, Чичеринъ и Кавелинъ восприняли взгляды Эверса именно тогда, когда русскіе **помѣщики** начали всего ждать отъ **государства**. Итакъ, юридическая школа, превозносящая государственность, есть школа помѣщичья *par excellence*. А между тѣмъ изъ предисловія Покровскаго мы узнаемъ, что классъ помѣщиковъ былъ враждебенъ государству, что и выразилось въ исторической концепціи славянофиловъ, ибо государство въ тѣ времена опиралось не на аграріевъ, а на промышленниковъ, и Соловьевъ, Чичеринъ и Кавелинъ объявляются Покровскимъ историческими идеологами промышленной буржуазіи (стр. 14, т. 1). Какъ же тутъ свести концы съ концами?

Вообщемъ на счетъ «помѣщичковъ» въ «установкѣ» авторовъ Сборника замѣтна большая «неувязка».

Въ статьѣ о славянофилахъ (Н. Рубинштейна) насъ поучаютъ, что превознесеніе славянофилами Земли выше Государства объясняется тѣмъ, что славянофилы были помѣщиками, а помѣщики въ то время были сердиты на государственную власть за ея намѣреніе упразднить крѣпостное право. Кромѣ того помѣщики были испуганы революціей 1848 года. Отсюда — славянофильское отталкиваніе и отъ государства и отъ западно-европейской культуры. Не будемъ уже говорить о Хронологіи: славянофильская доктрина зарождается ранѣе 1848 года. Но вотъ что любопытно: если славянофильская доктрина была специфически **помѣщичьей**, то спрашивается — почему же **помѣщики** Кавелинъ и Чичеринъ были западниками? Въ отвѣтъ на это въ статьѣ о Чичеринѣ вдругъ узнаемъ, что помѣщики были тогда охвачены процессомъ индустриализаціи и посему вмѣстѣ съ представителями промышленнаго капитала должны были тяготѣть къ западничеству. Но тогда — почему же Кирѣевскіе, Аксаковы, Хомяковъ были славянофилами?

Впрочемъ, Н. Рубинштейнъ рисуетъ намъ какихъ-то фантастическихъ славянофиловъ. Что славянофилы не отказывались блюсти помѣщичьи интересы, это мы знали и раньше. Но чтобы они стояли за сохраненіе крѣпостнаго права, за рекрутчину, за подавленіе свободы совѣсти и печати, — все это суть открытія г. Рубинштейна и остается только подивиться тому, что редакторъ Сборника допустилъ на его страницы такія открытія. Честь новизны приходится признать и за той мыслью автора, что славянофилы въ качествѣ помѣщиковъ ненавидѣли Петра Великаго за то, что Петръ ставъ заводитъ фабричную промышленность и отрывать отъ помѣщиковъ крестьянъ для рабо-

ты на фабрикахъ. Петръ дѣйствительно жаловалъ фабрикантовъ даровой рабочей силой, но почерпалась эта послѣдняя совсѣмъ изъ другихъ источниковъ, о чемъ авторъ могъ бы узнать не только отъ «буржуазныхъ» историковъ, но, напр., и изъ книги Туганъ-Барановскаго о русской фабрикѣ.

Западничеству посвящена статья П. Соловьева о Чичеринѣ. Доказывать, что Чичеринъ былъ гегельянцемъ и прилагалъ къ объясненію русской исторіи гегельянскую схему послѣдовательной смѣны родового быта, гражданского общества и государства; доказывать, что Чичеринъ былъ либераломъ и при томъ рьянымъ сторонникомъ либеральнаго манчестерства, — значитъ ломиться въ открытую дверь.

Въ этомъ отношеніи авторъ погрѣшаетъ только въ томъ смыслѣ, что онъ считаетъ либерализмъ Чичерина типичнымъ выраженіемъ всего русскаго либерализма, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Чичеринъ принадлежалъ къ очень небольшой группѣ русскихъ либеральныхъ мыслителей, стоявшихъ на платформѣ «laissez faire», между тѣмъ какъ типичный русскій либерализмъ высказывался за широкое вмѣшательство государства въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, въ видѣ проведенія демократическихъ социальныхъ реформъ. Не даромъ Чичеринъ усматривалъ «губительный социализмъ» даже въ воззрѣніяхъ Д. Н. Шипова.

Но если эту неправильность достаточно только отмѣтить, то нельзя не подчеркнуть уже съ негодованіемъ такія фразы автора, какъ напр., — «въ немъ (т. е. въ Чичеринѣ) сказалось все лицемѣріе, вся ложь, на которую способна буржуазная наука» (1, стр. 170). Такія фразы по отношенію къ Чичерину позорятъ только того, кто ихъ высказываетъ. Тутъ уже митинговый жаргонъ врывается въ научнообразное изложеніе. Мы увидимъ, что это не единственный случай, въ разбираемомъ Сборникѣ. Наиболѣе корректно изложены статьи о Соловьевѣ (З. Лозинскаго) и о Ключевскомъ (М. Нечкиной). Тутъ до крайней мѣрѣ добросовѣстно и подробно изложены взгляды названныхъ историковъ и отдана полная справедливость ихъ достоинствамъ и заслугамъ. Что же касается критики ихъ взглядовъ, то вся она сводится къ тому совершенно правильному указанію, что ни Соловьевъ, ни Ключевскій не были сторонниками марксизма. З. Лозинскій высказываетъ при этомъ весьма наивное утвержденіе, что только историкамъ-марксистамъ дано было вскрыть ошибки и увлеченія Соловьева. Впрочемъ, то же утвержденіе имѣется въ Сборникѣ и по отношенію къ славянофиламъ. И при этомъ приводятся такія возраженія противъ схемы Соловьева и противъ славянофильскихъ воззрѣній, которыя уже много-много разъ высказывались критиками, ничего общаго съ марксизмомъ не имѣющими. Что же касается спеціально марксистской критики воззрѣній Соловьева и Ключевскаго, то все тутъ сводится къ простому сопоставленію: вотъ, что говорятъ Соловьевъ и Ключевскій, а вотъ, что говорятъ историки-марксисты и, если одно на другое непохоже, то ясно, что Соловьевъ и Ключевскій никакуда не годятся. Такая критика можетъ быть убѣдительна лишь для тѣхъ, въ чьихъ гла-

захъ историческія идеи марксизма суть аксіомы, не нуждающіяся ни въ какихъ доказательствахъ. М. Нечкина строитъ всю статью о Ключевскомъ на уловленіи ея въ противорѣчіяхъ. Она отмѣчаетъ, какъ много мѣста отводится у Ключевского экономическимъ факторамъ историческаго процесса и хвалитъ его за это. Но — представлять себѣ — на ряду съ этимъ Ключевскій придаетъ реальное значеніе въ историческомъ процессѣ національному чувству и идеѣ общаго блага, какъ основѣ государственнаго союза! И для г-жи Нечкиной ясно, что это можетъ быть объяснено только шовинизмомъ Ключевского и тѣмъ, что онъ былъ идеологомъ промышленнаго капитализма (какъ посмѣялся бы Ключевскій такому опредѣленію, будь онъ живъ), на почвѣ служенія которому только и возникаетъ націонализмъ, да еще тѣмъ, что онъ не изучилъ Маркса и потому не знаетъ, что государство есть организованное насиліе одного класса надъ прочими, а идея общаго блага тутъ не при чемъ. Г-жѣ Нечкиной не приходится въ толку, что Ключевскій навѣрное былъ знакомъ съ марксистской теоріей государства еще тогда, когда М. Нечкиной не было на свѣтѣ, и если онъ этой теоріей не соблазнился, то, очевидно, у него были на это свои теоретическія основанія. А вотъ М. Нечкина наивно полагаетъ, что такой крупный историкъ, какъ Ключевскій, могъ не раздѣлится этой теоріей только въ томъ случаѣ, если онъ ея не знаетъ.

Съ такой же наивностью г. Лидакъ поучаетъ марксистскимъ премудростямъ Милюкова, отказавшагося въ своихъ «Очеркахъ по исторіи русской культуры» признать явленія духовной жизни надстройкой надъ системой производственныхъ отношеній. Впрочемъ, падо прямо сказать, что статья Лидака не столько наивна, сколько нахальна. Тутъ уже митинговая фразеология нущена цѣлымъ фонтаномъ, и Милюковъ называется не иначе, какъ лжецомъ и грязнымъ клеветникомъ. Въ чемъ же клевета? А въ томъ, что, по утверженію Милюкова, большевики прибѣгаютъ къ кровавому террору и къ обираюио крестьянъ. Не правда-ли, какіе ужасные клеветническіе навѣты? Впрочемъ, авторъ занимается не столько научной, сколько политической дѣятельностью Милюкова и можно себѣ представить, какими полемическими ароматами благоухаетъ его очеркъ! Щадя читателя, мы отъ этихъ ароматовъ отвернемся.

Отдѣльный очеркъ посвященъ Рожкову. Представьте себѣ, что и этотъ усердный марксистъ не выдерживаетъ экзамена въ семинаріи Института красныхъ профессоровъ. Среди его многихъ прегрѣшеній нѣкая А. Петрова открываетъ и такую позорную для марксиста вольность, какъ признаніе идеи общаго блага за одну изъ основъ государственнаго союза. А вѣдь даже и авторы Сборника врядъ ли думаютъ, что Рожкову была неизвѣстна классовая теорія государства. Впрочемъ, объясненіе этой «вольности» Рожкова А. Петрова находитъ легко: Рожковъ просто на просто стремился не къ истинѣ, а къ созидательству съ буржуазіей. О какомъ историкѣ ни заговорять авторы Сборника, всегда оказывается, что классовая тенденція исключаетъ историческую объективность и добросовѣстность. Но вѣдь если при-

знать, что таковъ общій законъ научно-историческаго творчества и если сами совѣтскіе историки не только не отрекаются отъ своей классовой тенденціи, но прямо величаются ею, то спрашивается: какъ же быть съ вопросомъ о ихъ собственной объективности и добросовѣстности?

Особая статья посвящена «историкамъ-федералистамъ», — Костомарову, Шапову и Грушевскому. Изъ всѣхъ историковъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ Сборникѣ, одинъ Грушевскій поставленъ на торжественный пьедесталь. И въ предисловіи Покровскаго Грушевскому преподнесены рядъ комплиментовъ, и въ текстѣ Сборника Грушевскій выдѣленъ тѣмъ, что статья о немъ предпослана еще особый биографическій очеркъ Тутъ-то и объясняется въ чемъ дѣло. Въ биографическомъ очеркѣ пространно и съ удареніемъ сообщается, что Грушевскій «перешелъ къ большевикамъ», отрекся отъ заблужденій и призналъ, что въ большевизмѣ заключена истина. Впрочемъ, несмотря на всѣ эти комплименты, большевики видимо отдають себѣ отчетъ въ томъ, что въ конечномъ счетѣ Грушевскому вовсе съ ними не по пути.

Какъ извѣстно, большевики являются централистами, въ тактическихъ дѣлахъ допускающими показную, декоративную федералистичность. Эта двойственность ихъ политики отражается и на оцѣнкѣ въ разбираемомъ Сборникѣ историковъ-федералистовъ. Всячески похвалая этихъ историковъ за ихъ полемику съ «официальной» исторіографіей -- (спрашивается, почему Соловьевъ, Ключевскій, Милюковъ суть историки **официальные**?), авторы Сборника тѣмъ не менѣе выдвигаютъ рядъ дѣльныхъ указаній на чисто историческія ошибки и увлеченія Костомарова и Шапова. Что же касается Грушевскаго, то авторъ соответствующей статьи г. Рубачъ подъ покровомъ всяческихъ почтительныхъ оговорокъ и комплиментарныхъ расшаркиваній, совершенно ясно показываетъ, что Грушевскій не одинъ разъ мѣнялъ, какъ перчатки, свои историческія концепціи по соображеніямъ политической тактики. Грушевскій вовсе не федералистъ. Онъ украинскій великодержавный централистъ. Въ позднѣйшихъ работахъ онъ, отбросивъ прежніе федералистическіе покровы, прямо призналъ своимъ идеаломъ самостійную Великую Украину, на чисто централистическомъ основаніи построенную. Такъ его быдую полемику съ идеями централизма приходится признать лишь временнымъ тактическимъ маневромъ.

Послѣ довольно дѣльной критики Грушевскаго авторъ переходитъ къ объясненію классовой основы федерализма и тутъ мы опять вступаемъ въ область искусственныхъ построеній и марксистскихъ шаблоновъ.

Въ этомъ краткомъ разборѣ мы не могли коснуться многихъ фантастическихъ утвержденій, высказанныхъ въ Сборникѣ, -- хотя бы, напр., той мысли, что прикрѣпленіе служилыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ къ обязательной службѣ въ XVI-XVII в. в. было для нихъ, якобы не повинностью, а завидной привилегіей!

Свѣдущій читатель, прочтя всю эту книгу, убѣдится наглядно, что факты русской исторіи отражаются въ толкованіяхъ школы Покровскаго, какъ въ кривомъ зеркалѣ.

А. Кизеветтеръ.

Paul Haensel. Die Wirtschaftspolitik Sowjetrusslands. — Verl. J. C. B. Mohr (Paul Siebeck). Tübingen. 1930. S. VI+204. Brosch. M. 8. Geb. M. 10.

Проф. Гензель до 1928 г. преподавалъ финансовое право въ Московскомъ Университетѣ и одновременно состоялъ председателемъ финансоваго отдѣленія Института Экономическихъ Исслѣдованій. Летомъ 1928 г. проф. Гензель покинулъ Россію и теперь состоитъ профессоромъ въ Грацѣ.

Содержаніе небольшой книги проф. Гензеля не вполне соответствуетъ ея заглавію. Въ большей своей части она представляетъ собой попытку охарактеризовать состояніе хозяйства Совѣтской Россіи примѣрно къ вступленію въ дѣйствіе пятилѣтняго плана. Книга переполнена статистическими матеріалами, долженствующими характеризовать совѣтское хозяйство. Не скрывая своей отрицательной оцѣнки коммунизма въ цѣломъ, авторъ стремится сохранить полную объективность при характеристикѣ совѣтскаго хозяйства и оцѣнкѣ его результатовъ.

Если принять во вниманіе то большое количество крайне тенденціознаго агитаціоннаго матеріала, который совѣтская власть печатаетъ ad usum naviumъ иностранцевъ, а также переполняющія рынокъ писанія заѣзжихъ путешественниковъ, которые за рѣдкими исключеніями, являются въ высокой степени поверхностными и даже легкомысленными, то, конечно, нельзя не приветствовать появленія серьезнаго и объективнаго опыта характеристики совѣтскаго хозяйства, сдѣланнаго проф. Гензелемъ. Для иностраннаго читателя цѣнны и многочисленныя, попутно разбросанныя въ книгѣ, замѣчанія, характеризующія совѣтскій бытъ. Мы полагаемъ, однако, что мѣстами книга нѣсколько перегружена цифрами, которые, безъ ихъ внимательнаго анализа, едва-ли могутъ быть полезны читателю.

Во всякомъ случаѣ небольшую книгу проф. Гензеля можно горячо рекомендовать иностранцамъ для первоначальнаго ознакомленія съ основными фактами русской хозяйственной жизни.

Но русскій читатель не можетъ не подойти къ книгѣ проф. Гензеля съ нѣсколькими повышенными требованіями. Въ лицѣ автора мы имѣемъ ученаго, который по своему положенію долженъ былъ принимать участіе въ работѣ на коммунистической кухнѣ; онъ работалъ также и при составленіи пятилѣтки. Мы въ правѣ были ожидать, что проф. Гензель сообщитъ намъ кое-какіе факты, которые намъ за рубежомъ остались неизвѣстными, или дастъ извѣстное теоретическое освѣщеніе столь своеобразной конструкціи совѣтскаго хозяйства. Мы не можемъ скрыть, что съ этой точки зрѣнія мы закрыли книгу не